

18+

Римид Нигачрок
А так давно, недавно...

ЦИКЛ СТИХОВ



Римид Нигачрок

А так давно, недавно...

Цикл стихов

«Издательские решения»

Нигачрок Р.

А так давно, недавно... Цикл стихов / Р. Нигачрок —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980123-4

Этот сборник — стихи разных лет, охватывающие период от раннего детства до начальной школьной поры, место действия: Красноярск, Жешарт, Новостройка...

ISBN 978-5-44-980123-4

© Нигачрок Р.
© Издательские решения

Содержание

Где детство моё босоное?	6
Зачем вернуться	7
Вчерашний день	8
Нет былого	9
Пазл памяти	10
Гость из будущего	12
Встреча с собой	13
Тот дивный мир	14
Звено найти	15
Островитянин	17
Семейный обед	18
С лестницы наземь	19
Иду себе без провожатых	20
Укол	21
Дядя Юзеф	22
Добыча	24
Печь	25
На сенокосе	26
Жешарт	28
Нянькой брату	29
Чистописание	30
Первоклашки	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

А так давно, недавно...
Цикл стихов
Римид Нигачрок

© Римид Нигачрок, 2020

ISBN 978-5-4498-0123-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где детство моё босоное?

Дуплетом – наверняка!
Прошлое и настоящее.
Времен не обратима река,
Там и приятней и слаще.

Детство моё босоное
С мамкой за ручку идет.
Полувековая дорога —
Сердце тоскою жжет.

А крикну: Ау, отзовитесь!
Я с вами, я помню вас!.. —
Потянутся в прошлое нити,
Я там очутился сейчас...

Зачем вернуться

Зачем желание вернуться?
Чтобы иначе поступить,
И снова, снова обмануться,
Не лучше ль просто жить и быть?

Допустим, мною выбор сделан,
Потом рождается досада,
Мол, надо действовать бы смело,
За то и выпадет награда.

Тогда давай-ка я вернусь,
Когда событие назрело,
И поступлю иначе пусть,
Гадать, увы, мне надоело!

Как будто можно черновик
Судьбы своей переписать,
Ведь знаю, вечен каждый миг,
Лишь можно сжечь листок, тетрадь.

Зачем желание вернуться?
Умом теперешним исправить
Ошибки? Боги рассмеются:
«Ты, человек земной, не вправе!

Есть путь единственный, откроем,
Простить себя, и отпустить
Каким бы ни было бывшее,
Не проклинать и не стыдить.

Духовно можешь всё исправить
Через прощенье, только так!
Ты, человек земной, не вправе
Писать судьбу и так, и сяк».

Зачем желание вернуться
В бывшее, прошлое, в мечту?..
Горячий чай остудит блюдо,
Как осознает ум тщету...

Вчерашний день

Вчерашний день в местах знакомых
Кто находил, где времени рукой
На памятном рассыпаны изломы,
И смазан ностальгический покой?

Кто находил приветливые лица,
Где память дней минувшего утрат?
Того уж нет, что продолжает сниться,
А ты виденью призрачному рад.

Приехал, кажется, толпою окруженный
Друзей, по улицам шагаю неспеша...
Чужим повсюду в сердце пораженный,
Не вдруг поймет несбыточность душа.

Тебя здесь нет, не жил, и не был,
Другие люди, ты сред них чужой.
Здесь всё чужое: лес, река и небо,
Здесь не найти тебе теперь покой.

Вот дом, в котором детство возмужало,
Твои следы давно смели как сор,
Лишь память держит образы лукаво,
Что ждут тебя, нашептывает вздор.

Порвалась нить, когда пришли прощаться
С соседних улиц с матерью твоей...
Заказано с тех пор в былое возвращаться,
Следов здесь нет твоих, кроме теней.

Уймись, душа, два раза в воду
Нельзя войти, а время всё изменит,
Что сохраняет память, отнимают годы,
Но хочется вернуться тем ни менее.

Нет былого

Фото памяти мгновений,
Как обрывки кинолент,
Из былого дуновенья —
Чудный запах, а не тлен.

Заберись на крышу, выше,
Не увидишь прошлых лет,
Голоса ты не услышишь,
И на зов не жди ответ.

Не поможет ни бинокль,
Ни подзорная труба,
Не гляди орлиным оком,
Нет былого – есть судьба.

Пазл памяти

Горой лежат передо мною пазлы,
Собрать картинку из фрагментов сразу
И не удастся, нужно внимание и труд,
И цвет, размер, узор не подойдут

Пока, но, я-то знаю, есть в той куче
И лица, даты, образ, слово, случай.
Перебирая пазлы, внешне схожие,
Начну я с тех, что сердцу мне дороже,

И ярче память, и след от них глубокий.
Как был влюблен, печально одинокий,
Тон красок здесь пастелью затушеван,
Сложить понятное еще я не готовый,

Картины эта часть немного подождет.
Поможет поискам фантазии полет
Подсказкой ли, намеком ли на схожесть,
Но двойники и здесь, и там, о, боже!..

Казалось мне, что нет труда сложить
Узор подбором памяти фрагментов,
В уме пестрит от жизненных моментов.
Помалу контуры становятся почетче,

Срастаться в целое, но все-таки не хочет,
Частей каких-то словно нет в помине,
Нет замкнутости контура и линий,
Провалы в памяти как белое пятно,

Перебирая тысячи осколков, все равно
Мне нужное однажды обнаружу.
Из Севера лечу на берег Южный,
Кавказ: Пицунда, Гагры, Рица, Сочи.

Пусть память мне помочь пока не хочет,
Но чувствами я вспомню теплый вечер,
И с девушкой волнительную встречу.
Кусок мозаики выкладываю сразу,

Подсвечивает память без отказа.
Уже мерещится мне нечто дорогое,
В одном углу неточность беспокоит,
Фрагменты переставлю я местами,

На факты опираясь, не на память.
Ну вот, как будто бы сошелся пазл,
Сомненья рушат всю картину сразу,
Я неосознанно старательно хитрил,
Убрал все черное, картину обелил!

Гость из будущего

Эй ты, пацан, стой-ка, не пугайся,
Тебе мне нужно важное сказать.
Кто я такой и вспомнить не пытайся,
У нас с тобой одна и та же мать.

Полвека между нами, но не пропасть,
Ты есть, каким я был, а я каким ты станешь,
Какой я путь прошел, тебе изрядно топать,
Забуть сумею то, заполнишь чем ты память.

Как был и я, ты робкий и стыдливый,
Но не серчай, с годами всё пройдет,
Как и влюбленность, страсти и порывы,
А лучше и не знать, что будет наперед.

О чем ты, дядька, я не понимаю,
Наверно, просто шутишь пьяный,
Ведь ты старик, а мамка молодая,
Как ты сейчас, таким я разве стану?..

Ну, извини, пацан, иди своей дорогой.
Мы оба без отца, я мог бы дать совет,
Ведь я отец и дед, тебе не лгу ей богу,
Под шестьдесят, тебе же восемь лет.

И он ушел, не мог сказать я прямо,
Что он есть я, из будущего гостем,
Чтобы меня к груди прижала мама,
И лет мне было б только восемь...

Встреча с собой

Мой друг из прошлого я сам,
Привет! Привет, а мы знакомы?
Конечно да, с тобой мы дома,
Я – стар, ты молод по годам,
Как сын и внук, ты – я сегодня,
И брата ближе, ты мне сродник.

Прости за то, что мы ругались,
За злую критику – прости!..
Я есть, что было, отпусти,
Довольно часа, повидались,
Да, молод я, а ты – старик,
В своём я времени, привык.

Но, посмотри, каким ты станешь,
Не повторяй ошибок глупых!..
Молчат уста, в усмешке губы,
Незримый ты моя лишь память.
Как память сердца, друг любезный,
Ты пропадешь, как я исчезну...

Тот дивный мир

Не помню многого, подробности затерты,
И запахи, и чувства, и даже мысли скрыты,
Под спудом, тот дивный мир, как мертвый...
Мне сколько было? Мать говорит: четвертый.

А город был, и жил в конце пятидесятых,
Широко жил... «Монтажники-высотники»,
По выходным застолие, и скромно до зарплаты;
По осени пальтишко, шапчонка на мне, боты.

И двор знаком, а страшно: до вечера гуляешь,
В подъезд по лестнице, темно, идешь наощупь.
«Сынок, ты где пропал?.. Нельзя так, умоляю!» —
И мать прижмет к себе, по попе шлепнуть хочет.

Отец усталый спит. «Иди, ложись, паршивый!..»
Я прячусь, убегаю, боюсь, найдет цыганка,
И с места не сойду, и куст сухой, плешивый,
Ружье схватил: сломалось, замахиваюсь танком...

«Пора вставать, гулёна, и Юра с Галей встали»
А папа не сердитый?.. «Ушел давно на смену.
Юрик ждать не будет, до садика с Галей»
А, мам, тепло сегодня? Я курточку надену?..

До садика не долго, дорогу я запомнил,
Сестру за руку крепко держу, не потеряюсь,
А садик трехэтажный в большом красивом доме,
Я в нем живу-тоскую, ем, сплю, потом играю...

Что выдумка, что правда, подробности неясны,
В конце шестидесятого, а Толик не рожденный,
В животике у мамы; нос от мороза красный,
Озябли пальцы больно, деревьев белях кроны...

Звено найти

Молоко парное с пенкой пахнет травами лугов,
Тетя Паша через марлю цедит в кринки из ведра,
Напоследок кружки наши наполняет до краёв,
Нарезает хлеб горячий: «Ешьте, пейте, детвора!»

Мне, кажись, пошел в ту пору год, наверное, шестой,
До того, как папа помер, жил я жизнью городской,
А теперь живу в поселке, за каналом в засыпушке:
Огород большой, собака, кошки, боров и цыпушки.

С мамой пятеро: сестренка, двое братьев, ну и я,
Вокруг печки в помещенье уместилась вся семья.
Позже там разгородили на три комнатки и кухню,
Не замерзнем мы зимою: ни на час в печи не тухнет.

Память в шутку ли играет, перепутает страницы,
Толи вправду я ребенок, старику ли это снится...
В миг один осиротели, тетя Наташа, дядя Коля,
Завертелось, закружилось, мама плачет: горе, горе.

Теснота, у стенок нары, восемь малых ребятишек,
Мама утром и под вечер: Спице, детки, тише, тише.
Осень, холодно, одежду кой-какую раздобудешь,
И на улицу в тот час, на забор смотреть, как люди

Ходят-бродят по дороге: бабка старая с авоськой
Чуть бредет, ругая громко незадачливую Тоську;
А за ней мужик в фуфайке наклонится спотыкаясь;
За машиною вдогонку свора псов промчится с лаем.

А весну встречали позже на Степной у речки малой,
Щитовой нам домик дали, место тоже не хватало:
Комнатушки две и кухня; огород, сарай с сортиром;
Васька кот, собака Шарик, куры, их петух задира.

Вскоре после наводнения: паровоз, вагон, вокзалы;
Коми: Вычегда и Жешарт: что в поселке не хватало?..
Двухэтажный дом из бруса, место много, нам раздолье,
Мама утром на работу, трое в школу, в садик Толик.

Пару лет мы бедовали: сто с копейками зарплата,
Плюс пособие отцово, даже в нужном недостаток.
Всё, сказала мама, едем мы обратно в наш посёлок,
И опять вагон, вокзалы, интересный путь, но долог.

Молоко парное с пенкой пахнет травами лугов,
Тетя Паша через марлю цедит в кринки из ведра,
Напоследок кружки наши наполняет до краёв,
Хлеб ломтями нарезает: «Ешьте, пейте, детвора!»

Вот теперь звено, надеюсь, цепь единую сведет,
Мне тогда не шесть, выходит, а девятый стукнул год.
К тете Паше после школы прибегаю погостить,
И она меня так рада с дочкой вместе накормить.

Островитянин

По метрикам рожден на Сахалине,
В поселке Горки, что лежит в долине,
Где речек тьма, тайгой покрыты горы,
В тридцати верстах по бездорожью город.

Дальневосточник, да, островитянин,
И в те края меня порою сильно тянет,
Трехлеткой пусть свезли на Материк,
И по рассказам мамы, вычитал из книг,

Как будто лично помню, в самом деле,
Поселок, сопки, море, жуткие метели.
С тех пор минуло больше чем полвека,
Не соберусь никак на Родину поехать,

Хоть пару дней на остров, как в былое,
Душой под старость, может, успокоюсь.
По существу, чужой мне край далекий,
Но и судьбы начало всех путей истоки.

Семейный обед

Отца я помню, как в тумане,
Пять-шесть найдется эпизода,
Но память детская обманет,
В те дни, вернувшись через годы.

Веселый, стройный и подвижен,
А может, строгий, даже злой,
В рассказах мамы его вижу,
Во мне, ребенке, он живой.

Семейный стол полуовальный,
Отец, я слева, справа брат,
Он усадил нас специально —
Учить приличиям ребят.

Мне ложку левою рукою
Взять неосознанно хотелось,
Отец мне строго: Что такое? —
Бьет подзатыльник то и дело.

А брат откусит хлеб и долго
Жует его и не глотает,
Отец встряхнет его за холку, —
Не подавись, запей-ка чаем!

К его приходу дети в чистом
Должны одеты быть и рядом,
И стол накрыт семейный быстро,
После отца все только сядут.

Жена должна сидеть напротив,
А рядом с мамой дочь Галина;
Кастрюля с супом, с мясом протень,
Отец вино нальет с графина...

Сам помню ль это пятилетним,
Иль мама позже рассказала,
Как притихали сразу дети —
Отец входил неспешно в зало.

И те семейные застолья,
И воспитательные меры,
Не мог придумать я, тем более
С годами в память крепнет вера.

С лестницы наземь

На место мозги полотенцем
Поставим, – слышу женский голос
Сквозь пелену и мокрый холод, —
Поможет чуточку младенцу.

Лежу как будто в чистом поле,
Раскинув руки, ноги, навзничь,
С водою рядом желтый тазик,
Меня купать собрались, что ли?

Лицо склоняется – размыто,
Не мама – тетя в чем-то белом:
Везти в больницу не хотелось,
Ведь тело цело – нос разбитый.

Смотрите, он шевелится, моргает,
Пришел в себя, очнулся, молодец!
И мамин голос слышу: Сорванец!..
Ирина Львовна, доктор дорогая,

Скажите правду, он и вправду цел?
Бывает хуже травмы, сотрясения,
И ничего... прошу у вас прощение,
Спешить мне надо, много всяких дел...

Та ночь тянулась бесконечно,
На стену мне зачем-то надо влезть,
Но связан крепко путами я весь,
И ветер бьёт колючий, встречный...

И вспыхнул свет – глаза открылись,
Я шмыгнул носом, шишка на затылке,
И по вискам покалывает вилкой,
На одеяле руки легкие, как крылья.

Вчера что было, я едва ли помню,
То плачет мама, то ругнется папа,
Зачем он бросил на пол свою шляпу,
Неужто в доме ночью кто-то помер?

Штаны на лямках рядом в изголовье,
Рубашка свежая, тогда скорей гулять.
Меня у двери мама ловко ловит:
Куда, паршивец, грохнешься опять!

Иду себе без провожатых

В детсад меня и брата водит
Сестра Галина перед школой.
Для взрослых путь туда недолог,
Уже длинней для восьмилетних.
Кому всего-то пятый годик,
Пройти путем не может этим.

Второй этаж, большая группа,
Столов с десятков, по четыре
Мест, не войдет в любой квартире
Детишек столько: здесь не тесно.
Нас кормят кашей вкусной, супом.
Игрушек множество чудесных.

Но к мамке хочется скорей,
Когда под вечер забирают
Детей, а я, насупясь, не играю,
Всё жду и жду иль у решётки,
А если в группе – у дверей,
Забывтый всеми, как сиротка.

Возьму и сам дойду до дома,
Решил, в заборе дыр полно,
Один я в группе все равно,
И няня с тетей отвернулись...
Где прут в решетке, знаю, сломан,
Шмыг в дырку и – я среди улиц

Иду себе без провожатых
Вдоль магазина тротуаром,
Сто раз ходил я здесь не даром,
Киоск запомнил, перекресток,
Здесь угощались сладкой ватой.
Зеленый свет дожждаться просто

И на ту сторону – бегом!..
Иду себе такой веселый
И мимо парка, мимо школы,
Всё интересно стало вдруг...
А вот и наш и двор, и дом,
И... мамин возглас испуг!..

Укол

Врач педиатр стучится. Входите!..
Руки помыть можно здесь, и раздеться...
Как вижу врача, я нуждаюсь в защите,
В пятках душа и колотится сердце.

Мама, мне страшно, боюсь я укола!
Пусть тетя уйдет поскорее. Сынок!..
Лежу на коленях я с попою голой,
Ни вопли, ни мама, никто не помог.

С тех пор я укола боюсь до икоты,
И врач для меня пострашнее цыган,
С недугом в больницу иду с неохотой,
Мне сон и покой для здоровья гарант.

Дядя Юзеф

Дядя Юзеф утонул,
Немец, пленный с Кенигсберга!
Ты чего кричишь так, Верка?
Успокойся, сядь на стул...

Ну, рассказывай, родная,
Что случилось, в чем беда?
Ледяная ведь вода...
Спьяну он полез, не знаю...

Кто полез? Да дядя Юзеф,
Там на озере в горах,
С камня прямо, божий страх,
Высоко, ползу на пузе

К краю самому, всплывет,
Нет ли, думаю, гадаю...
Всплыл как будто, выгребает,
Пред собою гонит лёд.

А потом нырнул и сгинул,
Пять минут, его всё нет,
Для меня померк тут свет,
Я – орать, бегут мужчины.

Дочка, что, сломала ногу?..
Или в озере русалку
Ты узрела?.. Дядю жалко,
Он нырнул, утоп, ей богу,

Дядя Юзеф. Эй, ребята,
Там у берега есть плот.
Ну, тогда бежим вперед!
Спрячт с кем-то, кроют матом,

Плот спихнули и шестом
Тычут дно куда попало...
Ну, а я тут побежала
Рассказать скорей о том.

Вот так да, беда большая,
Дядя Юзеф, смелый хрыч,
Не убит в войну. Не хнычь,
Верка, думать мне мешаешь.

Надо как-то тетю Нину
Поддержать, помочь, поди,
От него дитя родит,
А тут немец взял и сгинул.

Мужики идут, смотрите,
Может, все-таки достали?!
Сбегай-ка, узнай-ка, Валя,
Вова, Саша, Вера, Витя

По домам, а ну – бегом!..
Дядя Юзеф стал покойник.
Влезли мы на подоконник,
Видим крышку под крестом.

Жутко, страшно, но манит:
Люди, свечи, гроб, венки,
В крест лежащих две руки.
Дядя Юзеф крепко спит...

Добыча

От газировки, пива собрал карманы крышек...
Галина отлучилась, а я с вокзала вышел,
Из любопытства, к киоскам вдоль перрона.
Тележку грузчик тянет, на лавке дядя сонный,
Поезд маневровый вагон в тупик толкает...
«Эй, мальчик, отойди-ка, нельзя стоять у края!
Беги-ка к маме лучше, тебя, наверно, ищут, —
Железнодорожник кепку протер платком. – Жарище!»
А я на всякий случай шмыгнул скорей к киоскам,
А там сто тысяч крышек валяются на досках.
Но как не взять с собою блестящие кругляшки,
Фантики, от спичек коробки, красивые бумажки.
С добычей полные карманы иду назад довольный...
«А, вот ты где, пропажа!.. – шлепнула не больно
Галина для острастки, – вот расскажу я маме,
Как ты сбежал без спроса. Что у тебя в кармане?»
Да так ..., а что нельзя взять пробки от бутылок?
«Какие пробки? Гадость! Сейчас же, Вова, выкинь!»
Не пробки, а добыча!.. «Эй, дети, что за крики? —
Вышла мать из двери. – Где Юрик, наши вещи? —
Спросила Галю строго, меня взяла за плечи —
С такой добычей, Вова, в вагон нас не запустят»
Я выгребал карманы с обидой горькой, и грустью...

Печь

Засыпная изба, шесть на восемь, и печь,
Типа русской, в середке – громадой.
На морозе продрог, если, можно прилечь
Хоть втроем, и тесниться не надо.

Палку-конь оседлав, нарезая круги,
Я скачу и скачу вокруг печки в атаку,
На пути табурет, слышу звон кочерги,
Мне смешно, хоть и хочется плакать:

На коленке синяк, и заноза в ладонь,
Ну и пусть – я врагов победитель.
Печка дышит теплом, догорает огонь,
И меня, я на ней уже сплю, не ищите...

На сенокосе

У Брагиных с полдюжины,
Считай, что, ребяташек,
От сосунков, до школьниц,
С полметра и повыше.

И я у них вдобавок
Гощу с утра до ночи,
Ведь не чужой ребенок,
Сродный, между прочим.

В страйке чушек трое,
Теленок и корова,
Там кролики и куры,
Петух, драчун, здоровый.

Заноз после войнушки
Я нахватал в ладошки.
Мой меч – обычно палка,
Ручка стругана немножко

Складником небрежно,
Сойдет и так для боя.
Сестрицы: зрители на лавке
Сидят, а бьются двое.

Кто победил, неважно,
Я, братец мой, Николка...
Ой, больно, тетя Клава!..
Терпи казак – орудует иголкой.

Приггла зеленкой ранки:
До свадьбы заживет!..
Идите дети в хату
Пить молоко – зовёт...

Большие сани трактор
Волочит с ближних гор,
С дом сена наложили,
Коровам вкусный корм.

Уж за полночь, и звезды
Одни во всей вселенной,
Дремлю под тарактенье,
Поджав к груди колено...

Подъехали, а мамка,
Схватив меня в охапку:
Тебя я потеряла! – кричит...
Мне страшно, или зябко?..

Предупредила б, Клава,
Я вечер весь на нервах,
Что сын на сенокосе...
Рассвет восходит серый.

Жешарт

Печное отопление в пятиэтажных,
в домах кирпичных, и без лифта.
На чердаках веревки бельё сушить
привязаны к стропилам.
«Бомбоубежище» и стрелка-указатель
чернеют крупным шрифтом.
В подвалах тесно: там ящики, клетушки,
Как население углем тогда топилось.

Раздолье нам, ребятам: подвалы, чердаки
доступны для тусовок в любое время суток.
Там схроны и лежанки, от взрослых тайники.
Там старшие ребята играют в карты будто
по-крупному на деньги, ворованное прячут.
Там место для свиданок, выпивок и драчек.

А малышне в ту пору, как я сам, дошколятам
казались ужас-сказкой те чердаки, подвалы.
Таинственные тени, страх темноты заклятый
к себе магнитом тянут, какой-то звук, бывало,
В углу раздастся темном, душа уходит в пятки.
Но мы туда стремились, играли даже в прядки.

А город разрастался среди тайги бескрайней,
вбивали сваи шумно, копали котлованы...
За Вычегду за зверем ушли лесные тайны,
Как здесь от новостроек в земле зияли раны.
У старого завода большой завод фанерный
Заложен еще в зиму, как основной, наверное.

Бараки, частный сектор, дома из бруса всюду
В два этажа, с полсотни, где мы когда-то жили.
Тех мест из детства разве когда-нибудь забуду,
и школу, и конюшню, церковей старинных шпили.
Аэродром, за лесом поле, куда толпой бежали
Смотреть мы, ребяташки, как самолет сажали.

Клуб, склады, водокачка, через мосток и школа.
За ней завод фанерный, гараж, забор, сторожка...
Как далеко те годы, места, где был я молод...
Вот вспомнил ненароком, и погрустил немножко.

Нянькой брату

Пока не дали место в детском саде,
Я с младшим братом нянчился все лето,
Менял штанишки, если он нагадит,
Чтобы не хныкал, отдавал свою конфету.

Я осенью пойду учиться в школу,
В апреле мне исполнилось семь лет,
И ранец с книжками, тетрадями тяжелый
Готов, и к сентябрю обут я и одет.

Ну а пока босой и в шароварах,
Взяв брата за руку, гуляю там и тут,
На стройку ли пойду, в поселок старый,
Иль в магазин, хотя б на пять минут.

«На Вычегду пойдем, на водокачку,
Где наша мама, Толик, если не устал?
Или в аптеку – потрачу я заначку
На гематоген, купить ведь обещал»

Коробки, ящики горой за магазином,
И ни души... пройти уже хотели...
Бумагу серую измятую откинул,
А там на дне слой слепшей карамели.

Удача, брат!.. Под кустики добычу
Отволокли и... пир конфетный там
Устроили: брат в мякоть пальцы тычет,
Потом их в рот, измазался весь сам...

Чистописание

Для чистописания тетрадка
Косой расчерчена линейкой,
Писать в ней буквы по порядку
С нажимом перышка в ячейках.

Как ни старался, я не мог
Писать красиво, без помарок,
Так за диктант тройка – итог,
А то и вовсе «кол» да «пара».

Перо иль ручка виноваты,
То кляксу ставят вместо точки,
То пишут «б» витиевато,
То задирают кверху строчки.

Как ни стараюсь, пишу криво,
Ложатся буквы влево, вправо,
У Таня строчки все красивые,
Тетрадка чистая на славу.

А у меня в чернилах палец,
Снимал я с перышка соринки,
Чтоб трепку снова не задали,
Я кляксы тер до дыр резинкой.

В тетрадке каждой промокашка,
Слюной смочил, скатал и – пулька,
Чтобы стрелять из трубки в Пашку,
Чтоб за косу не дергал Юльку.

Первоклашки

«А моя готовит бабушка
Вкусно очень... в гости хочешь?»
Не удобно, как-то сразу...
«Мы пришли, входи, короче»

Домик рубленый, обычный,
Палисад, двор, в нем постройки,
Крыльцо низкое, качели...
На забор петух и бойко,

Чуть присев, вскочил, махая
Шумно пестрыми крылами,
Покосился... заорал: ку-ка-ре-ку!
«Черт горластый, брошу камень,

Будешь знать...». Входите дети,
Руки мойте, ... есть хотите?..
Друга как зовут? «Я – Вова,
Вместе учимся мы с Витей»

Ели суп, потом оладьи
Запивали молоком...
Смотрит бабушка с улыбкой,
Промокнет слезу платком.

«Сбегай, ставни, Вить, прикрой-ка,
Фильмоскоп настрою с Вовой,
Сказка есть про Чиполино...
Я включаю, всё – готово!

Кто читать из вас-то будет?
Витя? Не, баб. Вова? Мелко.
Вот те на, никто не хочет...
Где мои очки-гляделки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.